

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 316.35

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-237-252

«ИЗОМОРФИЗМ» ПОЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИЙ ДЕЙСТВИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ПЕРМСКОМ КРАЕ)

М. А. МАНОКИН

Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Манокин М. А. «Изоморфизм» полей (на примере стратегий действия локальных элит в Пермском крае) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 237–252. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-237-252.

Введение: рассматривается проблема социальной динамики и реакции индивидов на нее на примере поведения локальных элит в небольших городах Пермского края. Теоретическая концепция статьи строится на двух теориях: теории поля П. Бурдьё и теории «текучей» современности З. Баумана. Теория поля служит для идентификации действий, которые производятся представителями локальных элит, теория Баумана помогает в объяснении логики и возможных мотивов их действий.

Цель: исследование практик локальных элит в небольших российских городах.

Методы: общенаучные: структурно-функциональный анализ, социологические: качественные методы кейс-стади, глубинное интервью.

Результаты: рассмотрены три кейса: действия локальных элит в Кунгуре, Краснокамске и Чайковском, проанализированы различные формы их активности. Дана интерпретация кейсов.

Выводы: наблюдаются процессы, аналогичные явлению институционального изоморфизма, отмечена глубокая привязанность локальных элит к территориям городов, которая усиливает их позиции. Дана интерпретация возможных причин изоморфизма полей: 1) связано с формированием значимых мест для отдельных представителей локальных элит; 2) является следствием влияния эмоций на их действия.

Ключевые слова: социальная динамика; локальная элита; институциональный изоморфизм; поле экономики; поле политики; бюрократическое поле

ВВЕДЕНИЕ

Центральной проблемой данной статьи является проблема общественной динамики и реакции индивида на нее. Она рассматривается многими современными исследователями: Дж. Урри пишет о человеке в новой эре мобильностей

(Урри, 2012, с. 69–70), 3. Бауман рассуждает о формировании новой, «текучей», природы человека и человеческого общества (Бауман, 2008, с. 12–13). В различных формулировках эти и другие авторы описывают общую тенденцию: смену социального порядка, перемену диспозиций, формирование новых субъектов в социальном пространстве и изменение существующих практик поведения.

Классический пример – последствия изменений в институте семьи. Из публичного института она постепенно превратилась в частную институцию, основное место частной жизни индивида, а сегодня вновь переживает сложные изменения, связанные с дроблением семейного пространства на частные зоны членов семьи (Бурдье, 1993, с. 235–236). Очевидно, что, если даже семья – институт, смена формы которого для ряда социологов была, в сущности, отражением социально-экономических революций (Зидер, 1997, с. 290–292), – меняется, то изменения происходят и с другими социальными конструктами. 3. Бауман пишет об изменениях в политике, современное состояние которой он описывает как неопределенную территорию, хаос, в котором постоянно возникают новые формы взаимодействия (Бауман, 2008, с. 94). Самым известным примером являются исследования политических процессов 2011–2012 годов в России, показавшие, что митинги конца 2011 года были новой формой политической мобилизации жителей крупных городов (Бикбов, 2012, с. 143), их реакцией на новые политические и экономические условия. Другой пример. В условиях современного рынка предложение значительно превышает спрос, что способствует большей растерянности потребителя (Гусева, 2011, с. 47–48). Словом, перемены проникают во все сферы человеческой жизни, и современный индивид вынужден на них как-то реагировать.

Изменения не минуют и локальные элиты. Эти группы представляют исследовательский интерес, прежде всего, благодаря тому, что любые крупные решения – реформы, государственные программы, инициативы жителей – всегда осуществляются при их участии, и, если говорить об изменениях в обществе, именно элиты непосредственно взаимодействуют с ними, блокируя их или, напротив, поддерживая (Витковская, 2008, с. 62–64). Понимание логики этой социальной группы позволяет определить, какую роль играют элиты в происходящих в обществе переменах и как они на них реагируют (Lee and Lin, 2006, p. 333–334).

Цель статьи – исследовать практики локальных элит в небольших провинциальных российских городах. Объектом данного исследования является социальное пространство небольших городов российского региона, понимаемое как комплекс позиций, занимаемых субъектами, а предметом – поведение элит в данной среде. Статья основана на анализе и интерпретации результатов 20 глубинных анонимных неавторизованных интервью, взятых в марте–мае 2016 года у представителей локальных элит трех городов Пермского края: Краснокамска, Кунгура, Чайковского. Опрошенными – представители локальных элит: политики, чиновники, предприниматели, общественные деятели городского и районного уровня. Это качественное исследование, интерпретация *thick descriptions*, полученных в нарративах респондентов (Geertz, 1973), которое стремится выявить особенности логики представителей класса элиты, поэтому показатель количества опрошенных не является критически важным.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая база работы строится на двух центральных концепциях: социология поля и концепция «текучести». Прежде всего, это теория П. Бурдьё, которая применяется как своеобразная морфология (инструмент описания) социального пространства, в котором живут локальные элиты. Для интерпретации явлений будет использована другая теоретическая концепция – теория «текучей современности» З. Баумана, которая дает более современную интерпретацию фактов, выделенных в рамках теории П. Бурдьё. Не раз исследователи отмечали, что теория Баумана строится на схожих предпосылках, что и теория Бурдьё (Blackshaw, 2013, p. 127). Сам Бауман предлагал новые интерпретации понятия класса Бурдьё (Бауман, 2008, с. 42–43); в его работах есть место и наблюдениям по поводу биографии французского социолога и его вклада в современный взгляд на социальные явления (Bauman, 2002, p. 192–193). Можно сказать, что произведения З. Баумана направлены в основном на то, чтобы «оживить» социальные структуры, которые «работают» в поле Бурдьё: показать, каким образом конкретный человек, его идеи и мысли формируют класс, поле, социальное пространство.

Локальные элиты в России в целом и Пермском крае в частности давно являются предметом исследовательского интереса. Стоит отметить, однако, один неявный недостаток этих работ – отсутствие определенного теоретического framework'a, в котором бы рассматривались элиты: обычно они насыщены богатым эмпирическим материалом, но интерпретация имеет отношение к политологии, но не социологии. Например, исследование Н. Ю. Лапиной и А. Е. Чириковой «Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор», опубликованное еще в 2000 году, предлагает обширный анализ локальных элит в различных городах России (Лапина и Чирикова, 2000). Роль элит была дана «действующим лицам – представителям власти и экономическим акторам» (Лапина и Чирикова, 2000, с. 46), однако «представители власти», в понимании авторов, являются и чиновниками, и политиками. Это можно отследить, обратившись к третьей главе работы: сначала речь идет об административном контроле и государстве, далее вводится действующее лицо – губернатор Пермской области Г. Игумнов, который рассуждает о том, как важно для областной администрации сохранять контроль над работой крупного бизнеса. Затем исследователи отмечают, что экономическая ситуация в области, как результат действий Игумнова, может потенциально повлиять на его успех на выборах (Лапина и Чирикова, 2000, с. 48–49). В этом сюжете, с одной стороны, политика и государственная власть, в сущности, рассматриваются как неразрывные части одного целого – Игумнов здесь и бюрократ, и политик. Позже Т. Б. Витковская будет разделять локальную элиту на бюрократов (глав муниципалитетов) и политиков, предложив даже более сложную интерпретацию (Витковская, 2011, с. 104). В исследовании Н. Лапиной и А. Чириковой также содержится классификация локальных элит. Авторы выделяют политиков, предпринимателей и бюрократов (Лапина и Чирикова, 2000, с. 114–115).

Но, несмотря на разработанный эмпирический материал, данные исследования объясняют наблюдаемые явления с точки зрения здравого смысла, редко при-

меня объясняющие теоретические концепции. В таком качестве в этой статье предлагается использовать две теоретических концепции, прежде всего теорию поля П. Бурдьё. В терминологии Бурдьё описанные выше группировки называются соответственно классом политиков, буржуазией и бюрократами. Действия элит существуют в специфическом поле – политическом, экономическом и бюрократическом соответственно (Бурдьё, 2007). Помимо полей, своеобразных доменов влияния и действия, каждому классу присущи уникальные для них типы капитала. Кроме элит в каждом из указанных выше полей существуют и другие классы, но в контексте данного исследования они не представляют интереса. Теория Бурдьё предлагает рассматривать поле как конфигурацию социального пространства, которое постоянно преобразуется под влиянием различных социальных сил. Пониманию этих сил способствует концепция «текущей современности» З. Баумана, которая рассматривает представителя элиты не только как представителя класса, но прежде всего как наделенное специфическим уникальным сознанием существо, способное не просто конструировать себя как бюрократа, буржуа или политика, но как индивида, который делает это по каким-то индивидуально определяемым причинам. Согласно теории З. Баумана, современный индивид живет в «текущей» современности, каждый день он вынужден сталкиваться с нестабильным политическим, социальным и экономическим климатом (Bauman, 2001, p. 39–40). Регулярные реформы, увольнения, ротации кадров, конфликты, протесты становятся фоном, к которому индивид пытается приспособиться.

Также перед началом интерпретации данных необходимо отметить, что в рассмотренных небольших городах Пермского края представители элит объединены в сообщества, характеризующиеся здесь, помимо общности интересов, определенной идеей лояльности, из которой выстраивается взаимное доверие участников. Мои эксперты часто называли эти социальные структуры кланами – во многом, вероятно, заимствуя термин из дискурса современной политологии; ниже социальные структуры будут называться группировками или клиентелами. Обычно термин «клан» связывают с корпорацией, основанной на родовом признаке (Редклифф-Браун, 2001, с. 30), но на этом основании из рассмотренных группировок только существующие в Кунгуре можно назвать кланами, так как родственные связи между участниками прослеживаются только у элиты в данном городе. Узкость смысла данного понятия в социологии не позволяет нам его применять.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кейс-1: Элита Кунгура

Описание элит стоит начать с Кунгура – в нарративах, собранных у представителей элит этого города, ярче всего выразились исследуемые в статье тенденции. Элиты Кунгура ассоциируют себя с купцами, которые сыграли ключевую роль в создании и развитии города. «Кунгур – купеческий город», – говорит один из респондентов, рассуждая о влиянии бизнеса в городе, упоминая табличку на здании городской и районной администрации, где «выписан купеческий устав 1904 года»¹.

¹ Респондент 7, предприниматель, г. Кунгур.

В Кунгуре действуют несколько клиентел, внутри которых переплетаются интересы бизнеса, политики и администрации. Клиентелы сформированы, прежде всего, вокруг предприятий нескольких семейств: Елтышевых, Саньковых, Кокшаровых. Один из экспертов так описывает сложную систему связей в группировке:

«Бывший колхозный рынок [...] приватизировали в свое время, и [...] в долях, по-моему, сейчас три семейных клана: бывший мэр Кокшаров, который сейчас вице-премьер правительства края, вот эта семья Саньковых и Елтышевых. Саньков – родной брат Ларисы Ильиничны [Елтышевой. – М. М.], тоже в долях на этих мини-рынках, все этажи, на первых этажах на центральных улицах переоборудовали, ну и прочее...»².

Еще один из экспертов отмечал родственные связи между Кокшаровыми, Саньковым и Елтышевыми, другие эксперты не подтверждали наличие родственных связей. Тем не менее другим экспертам было известно о деловом партнерстве этих людей³:

«Да. Три человека [представители семей Кокшарова, Санькова, Елтышевой. – М. М.] – это центральный рынок, это их общий бизнес. Это то, что знаем мы, люди, которые живут в городе»⁴.

Эти три семьи в Кунгуре ассоциировались в первую очередь с их совместной предпринимательской деятельностью. Помимо рынка, они контролируют ряд других предприятий. Респондент говорит, что семейства Елтышевых и Кокшаровых владеют и другими предприятиями:

«Есть определенные бизнесы у семей, опять же, если говорить о предприятиях промышленного характера, то есть компании, которые производят ремонты. Как раз ЗАО «Блок» Кокшаровых ремонтирует почти все школы и детские сады. [...] Стирает все детские сады сын Елтышевых»⁵.

Постепенно интересы предпринимательских клиентел перестали ограничиваться только бизнесом:

«Везде есть [...] экономические кланы, преступные, воровские – они всегда существуют. И Кунгур всегда оказывался в стороне; единственное, что здесь к некоторым традиционным кланам прибавились еще и политические кланы. Раньше их почти не было, а сейчас появились»⁶.

Клиентелы вошли в Кунгурскую городскую Думу, которая скоро стала одной из сфер их влияния. В дальнейшем влияние клиентел усилилось, поскольку Р. А. Кокшаров стал мэром Кунгура. Летом 2015 года он был назначен на должность заместителя председателя Правительства – министра территориального развития Пермского края, но, как отметил один из респондентов, сохранил интересы в родном городе: «У него много проблемных и недоделанных вопросов в Кунгуре. И у него до сих пор не закрыто уголовное дело. Поэтому как он старался сохранить преемственность власти в городе, так и та власть, которая пришла, стремится к его поддержке»⁷. Пришедшую после Кокшарова власть олицетворяет собой Лариса Елтышева.

² Респондент 5, политик, г. Кунгур.

³ Респондент 2, политик, г. Кунгур.

⁴ Респондент 6, политик, г. Кунгур.

⁵ Респондент 5, политик, г. Кунгур.

⁶ Респондент 4, предприниматель, г. Кунгур.

⁷ Респондент 1, политик, г. Кунгур.

Однако появление новой главы города вызвало, по словам экспертов, напряжение в клиентеле:

«Сегодня, может быть, они в ссоре. Говорят, такие отношения у Елтышевых с Кокшаровыми. Бывает: милые бранятся-тешатся. [...] У нас же выборы главы с первого раза не состоялись. [...] Сначала депутаты решали, кто станет главой. Было несколько кандидатур. В первый раз Ларисы Ильиничны не было в списке кандидатур – сорвали выборы. На второй раз появилась Лариса Ильинична. [...] Видимо, поняли, что первый зам. Кокшарова, Толстой Василий Иванович, не проходит на эту должность, и тут, видимо, нашла коса на камень: Кокшаровы с Елтышевыми не совсем договорились, и прошла Лариса Ильинична, хотя Кокшаровы были немного против этого. Так скажем, бойня за кресло до сих пор идет. [...] Обычные интриги»⁸.

На напряженные отношения внутри клиентелы указывает и другой случай, свидетельствующий о расширении интересов группы до городской бюрократии: группа приняла участие в выборах главы Контрольно-счетной палаты города Кунгура (выборы осуществляются городской Думой, часть депутатов которой также представляют интересы группы):

«На данный момент [в марте 2016 года. – М. М.] там [...] исполняющий обязанности, но сейчас, насколько я знаю, претендуют три кандидатуры. Это бывший зам., исполняющий обязанности [Татьяна Седухина, она же 31 марта была назначена главой КСП. – М. М.]. [...] В это же время изъявила желание жена экс-главы [Кокшарова. – М. М.] на это же место. Третий – это человек из бывших работников полиции, тоже решил попробовать туда»⁹. Любопытно, что представители элиты опасаются: «сейчас у всех паника, насколько я знаю со вчерашнего дня, появился парень один из милиции»¹⁰. Респондент характеризует отношение городской власти к третьей кандидатуре как паническое – даже если предположить, что он это преувеличил, можно принять факт, что третий кандидат на выборах руководителя встревожил управляющую городом группу. Но никто из экспертов не мог вспомнить его имени.

Итак, эти интервью показали, что за последние несколько лет в Кунгуре сформировалась клиентела, обладающая финансовыми, политическими ресурсами и даже претендующая на влияние в системе бюрократии. Внутри этой группы происходит определенная внутренняя динамика, выраженная в историях о «ссоре» между Кокшаровыми и Елтышевыми, имеют место попытки контролировать городское бюрократическое поле, проявленные на примере конкуренции в борьбе за пост главы контрольно-счетной палаты города.

Кейсы 2 и 3: Краснокамск и Чайковский

Аналогичные Кунгуру ситуации отслеживаются исходя из интервью, собранных в Краснокамске и Чайковском. Предприниматели в Краснокамске обретают политическое и бюрократическое влияние, в Чайковском политики, влияя на бюрократию, усиливают свои позиции в городе.

⁸ Респондент 5, политик, г. Кунгур.

⁹ Респондент 5, политик, г. Кунгур.

¹⁰ Респондент 5, политик, г. Кунгур.

Пример Краснокамска показателен тем, что здесь, по словам респондентов из местной элиты, на сегодняшний день у власти фактически находится владелец нескольких предприятий – Ольга Колоколова, депутат Земского Собрания Краснокамского муниципального района, директор компании и председатель Пермского регионального отделения РОДП «Яблоко». Также она возглавляет группу руководителей управляющих компаний в сфере ЖКХ. Контроль над управляющей компанией, как говорит один из респондентов дает не только экономические ресурсы, но и позволяет влиять на избирателей на выборах:

«Элементарно! Через привлечение старших по дому, по подъезду. Организация чаепитий в подъездах. Элементарно! Бабушкам. Каждый старший по подъезду пойдет на чаепитии скажет, за кого голосовать, и бабушки проголосуют. За печенюку и за стакан чая»¹¹.

Стоит отметить, что крупный бизнес Краснокамска, в отличие от Кунгура, в основном находится в собственности людей, не живущих и не работающих на территории города, поэтому они мало заинтересованы во взаимодействии с местной администрацией. То же касается их менеджмента¹², – рассказывает представитель краснокамской элиты, знакомый с работой Земского Собрания района и Думы Краснокамского городского поселения. В таких условиях местные крупные предприятия мало заинтересованы в политической конкуренции.

При этом элитных групп в Краснокамске больше, чем в Кунгуре, и отношения между ними сложнее. Наиболее заметные, на момент интервью, сформировались вокруг бывшего мэра города Юрия Чечеткина, Ольги Колоколовой, а также бывшего председателя Земского Собрания Краснокамского района Юрия Малых. Между этими группами несколько лет шла борьба за город: Чечеткин пытался продвинуть в городскую думу своих сторонников, Колоколова – своих. К весне 2016 года, когда проходило общение с респондентами, конфликт в городе уже миновал интенсивную фазу. Фактически победила Ольга Колоколова: главой города избрали ее сторонницу, а Чечеткин и Малых были избраны в Законодательное Собрание Пермского края, т. е. покинули Краснокамск. Представители местной элиты чувствовали себя уставшими от борьбы, которая шла в этом городе не один год:

«Мы все рассчитываем на то, что она прекратится, эта конфронтация. Я лично голосовал за вот эти устранения, нам нужно выходить из ситуации, в которой находится территория. Мы все рассчитываем, что это произойдет с новой главой [Краснокамска]»¹³, – так респондент, входящий в состав Думы Краснокамского городского поселения, пояснил свой выбор нового мэра города.

При отсутствии иных сил, заинтересованных в конфликте, Ольга Колоколова, по словам респондентов, с легкостью получила контроль над городом:

«Решение будет поддержано или нет, в зависимости от того, как они договорятся с Ольгой Аркадьевной [Колоколовой. – М. М.]. Она ими крутит всеми, потому что у нее в думе большинство. И ее глава сел в кресло»¹⁴, – говорит

¹¹ Респондент 6, политик, г. Краснокамск.

¹² Респондент 2, предприниматель, г. Краснокамск.

¹³ Респондент 1, политик, г. Краснокамск.

¹⁴ Респондент 4, чиновник, г. Краснокамск.

эксперт, комментируя назначение Юлии Потаповой главой города в марте-апреле 2016 года. По мнению респондента, Потапова – человек из команды Колоколовой.

Ситуация во многом напоминает кунгурскую: предпринимательница входит в политические структуры, где усиливает свою позицию настолько, что может влиять на выборы главы городского поселения.

Кейс Чайковского похож на ситуацию, сложившуюся в Краснокамске и Кунгуре, хотя является в данный момент менее выразительным. Можно говорить о начальной стадии процесса: Чайковский превратится в аналог двух других городов, так как на момент исследования уже прослеживались схожие тренды. Опрошенные представители элиты Чайковского рассказывали о том, что в городе раньше шло противостояние, напоминающее то, которое сформировалось в Краснокамске, но менее интенсивное. Одним из наиболее амбициозных предпринимателей был Андрей Фоминых:

«Есть у нас одно градостроительное предприятие – РСУ-6. Был такой Фоминых Андрей. Он садится председателем городской думы, ему для чего нужно – точечная застройка в городе. Одно у нас, практически, предприятие. Ему какие депутаты нужны? Для решения депутатских вопросов нужны 11 человек из 20. Он ввел в думу, понятно, с помощью финансов, своих подчиненных и начал точечную застройку везде», – описывал эксперт ситуацию, общими чертами напоминающую прецедент восхождения в Кунгуре Елтышевых и Кокшаровых.

Но далее эксперт рассказал финал этой истории. Фоминых проиграл на выборах в Думу Чайковского городского поселения, поскольку Администрация Чайковского муниципального района не хотела, чтобы он оставался главой города: «Фоминых уже все. В эти выборы Фоминых потерял большинство в Думе, и он не стал председателем Думы, потому что нет большинства. Просто люди устали, когда увидели, что делают, и не избрали их. Я знаю, что он уволился уже или уволили его, я точно не знаю, но он сейчас не руководит»¹⁵.

В борьбе с клиентами Фоминых победила другая группа, созданная Администрацией Чайковского муниципального района, которая обладала политическим и бюрократическим влиянием¹⁶. Но в какой-то момент в самой администрации возник конфликт. Новый глава городского поселения Александр Третьяков, который, по словам экспертов, был изначально сторонником районной администрации, постепенно отстранился от нее и вскоре стал действовать независимо¹⁷.

В качестве независимого руководителя он быстро начал «накапливать» поддержку административных структур в городе. К 2016 году администрация Чайковского городского поселения начала подчинять себе советы микрорайонов; это небольшие административные учреждения, которые занимаются решением простых вопросов – уборки мусора, уличного освещения в микрорайонах. Советы отвечали перед чиновником городской администрации Романом Налимовым: «Он же директор, он собирает их всех на совещании,

¹⁵ Респондент 3, политик, г. Чайковский.

¹⁶ Респондент 3, политик, г. Чайковский.

¹⁷ Респондент 1, политик, г. Чайковский.

ставит задачи, контролирует и так далее, чисто такое муниципальное учреждение обычное, есть директор, есть председатели, которые ему подчиняются, у них свои планы по всем там направлениям»¹⁸. Он и стал приближенным нового главы администрации Чайковского городского поселения.

Благодаря ему А. В. Третьяков получил инструмент административного влияния на население города: главы советов микрорайонов – влиятельные фигуры на своих территориях, известные общественники. Они могут не только легко организовать людей, но и убедить их, например, перед выборами в том, что тот или иной кандидат будет более полезен жителям их микрорайона. Но одновременно эти люди – часть административной системы, фактически – чиновники, получающие за работу примерно 10 000 рублей в месяц (по словам эксперта), что вновь показывает легкую конвертацию практики и капитала из одного поля в другое. Эксперт сказал, что сейчас глава городского поселения добился полной лояльности примерно 6 советов микрорайонов из 10, оставшиеся 4 до сих пор находятся под влиянием главы Чайковского муниципального района¹⁹. Так политик готовится усилить свои позиции в политическом социуме Чайковского.

Таким образом, мы видим два сценария развития: в Краснокамске, где сформировалась, в целом, такая же ситуация, как и в Кунгуре, и в Чайковском, где эта ситуация находится в процессе формирования. Интересно то, как представители локальных элит стремятся получить власть одновременно в администрации, политике и местном бизнесе и организовать их примерно по лекалу той «родительской» биоты, из которой они пришли.

ОБСУЖДЕНИЕ

Описанные выше факты нуждаются в интерпретации. С точки зрения теории Бурдьё, это очевидная попытка предпринимателей занять позицию в новом поле и получить доступ к новым видам капитала. Происходит конверсия капитала из одного вида в другой: экономический капитал становится политическим, затем – бюрократическим. Процесс помогает представителям городской бизнес-элиты, например, продвигать на уровне городских дум более выгодные для компании законопроекты, а также укреплять контроль над своими предприятиями и политическими структурами. Рассматриваемое здесь явление напоминает феномен «двойной игры», который Бурдьё описывал применительно к политикам: это одновременная попытка помочь себе и исполнять роли слуг общества (Bourdieu, 2012, p. 183), удерживать одновременно капитал, актуальный внутри политического (партийного) поля, и капитал, важный на выборах (Bourdieu and Wacquant, 2013).

Но «двойная игра» все же объясняет действия в рамках только политического поля. Анализируя поведение представителей элиты в разных полях социального пространства, З. Бауман в своей интерпретации элит опирается на исследования Р. Сеннета. Его интересовали менеджеры и владельцы

¹⁸ Респондент 6, чиновник, г. Чайковский.

¹⁹ Респондент 6, чиновник, г. Чайковский.

крупного бизнеса, политики международного уровня и т.п. (Бауман, 2004, с. 71–72). Отталкиваясь от работ Сеннета, Бауман пришел к выводу о том, что элиты такого уровня стремятся быть максимально мобильными, действовать одновременно во многих качествах (Bauman, 2001, р. 25–26). Для Баумана и других сторонников «индивидуализированного общества», они – прототип образа жизни, к которому движется современный человек, не зависящий ни от каких институтов, предоставленный только себе самому, способный в любой момент завершить существующий проект и создать с нуля новый (простые примеры – Ричард Брэнсон и Олег Тиньков), умеющий легко адаптироваться к новшествам. Рассуждая об особенностях современных элит, Бауман отметил, что они стремятся освободиться от существующих ограничений, в том числе географических границ. Современные элиты, по словам Баумана, становятся склонны к *vanishing act*, избеганию, исчезновению после быстрого осуществления своего действия. Неспособность же убежать и сменить сферу своей деятельности становится слабостью (Bauman, 2001, р. 203). В прошлом власть элит зависела от того, как много человек они могут заставить работать на фабрике, сегодня власть элиты определяется широтой вариантов их деятельности (Bauman, 2001, р. 21–22).

И рассмотренные выше локальные элиты зачастую действуют именно так, как описывал Сеннет: стремятся повысить собственную мобильность. При этом они имеют свою специфику, ту уникальность, которая, возможно, сформировалась под влиянием своеобразных российских или пермских факторов.

Во-первых, их действиям присущ своего рода «изоморфизм» в различных полях (по аналогии с концепцией институционального изоморфизма): перейдя в новое поле, они стараются «перенести» туда людей, которые были успешными в другом (Radaelli, 2000). Успешного бизнесмена делают политиком, а потом бюрократом. Более того, локальные элиты не покидают первоначальное поле, они сохраняют в нем позиции и власть. Это хорошо видно на примере Кунгура и Краснокамска: Елтышевы и Кокшаровы стараются сами войти в Кунгурскую городскую Думу, владеют предприятиями, Ольга Колоколова остается директором предприятия и депутатом Земского Собрания Краснокамского муниципального района, т. е. «руководителем» и там, и там.

Во-вторых, локальные элиты характеризуются привязанностью к пространству города, в котором они начинают свою работу, чем несколько отличаются от изученных в книге З. Баумана элит (Bauman, 2001, р. 25). Но описанный выше изоморфизм явно лишь укрепляет позиции локальных элит, что выглядит как некий запас «твердости» (Бауман, 2008, с. 10), который может представлять собой потенциальный путь отхода. Один из представителей кунгурской элиты говорит о том, что у Р. А. Кокшарова «остались дела» в Кунгуре: будучи вице-губернатором, он остается в пространстве Кунгура, потому что здесь его бизнес и политические интересы. Показательна и позиция Ольги Колоколовой, которая, даже возглавляя Пермское региональное отделение РОДП «Яблоко», активно действует только на территории Краснокамска. Ареал «своего» города, очевидно, представляет собой их «твердый» участок социального пространства, в который они могут совершить *vanishing act*, «убежав», например, от экономических опасностей в политику.

«Изоморфизм» полей является продолжением процессов, описанных, в частности, в работе Н. Ю. Лапиной и А. Н. Чириковой, чьи респонденты говорили о том, что экономические и политические элиты «полностью сращены» (Лапина и Чирикова, 2000, с. 114). Такой взгляд позволяет увидеть механизм «сращивания» элит на локальном уровне: скорее всего, оно является итогом проникновения элит из одного поля в другое, и, как следствие, необходимостью реорганизовать свои действия и окружающую среду. Кроме того, это дополняет идею «сращивания» элит: в сущности, в полях экономики, политики и бюрократии в будущем могут формироваться схожие диспозиции, а появление одних и тех же субъектов в разных полях означает потенциальную возможность переноса части практик из одного поля в другое (жестко говоря, картельный сговор может быть перенесен из бизнеса в политику). Это обеспечивается изначальной лабильностью элит, их способностью легко менять образ жизни и решения. Выявление мотивов данных действий и тенденций, однако, требует более богатого эмпирического материала, и на данный момент можно изложить две гипотезы.

Первая гипотеза позволяет интерпретировать «изоморфизм» полей как результат производства «значимых мест». Теория З. Баумана предлагает концепцию значимых мест – ключевых точек социального пространства, в котором носитель определенной идентичности может «найти себя» (Бауман, 2008, с. 109). Представители элиты обладают властью, они способны управлять дизайном пространства. Входя в новое для себя поле и завоевывая его участки, они получают возможность изменять их, и, скорее всего, реорганизуют его по образцам того пространства, из которого пришли, привнося туда своих союзников, практики, капитал и адаптируя их под другую среду.

Вторая гипотеза может объяснить «изоморфизм» как результат влияния эмоций. Дж. Барбалет предлагает социологическую интерпретацию эмоций в рамках теории, в которой эмоция является частью сознания индивида, помогающая рациональности в выполнении различных действий (Barbalet, 1996, 1998, р. 60). Рассмотренные выше действия элит в рамках теории Барбалета можно интерпретировать как следствие страха, который, в свою очередь, является следствием того, что социальный порядок меняется (Barbalet, 1998, р. 150–151) и призывает к действию. Страх побуждает индивида меняться, делать все для того, чтобы адаптироваться к меняющимся условиям, в том числе двигаться в иное поле, он призывает к борьбе с посторонними элементами (показателен пример с появлением кандидата в председатели Контрольно-счетной палаты города Кунгура, которого респонденты называли «милиционером» и, судя по словам эксперта, боялись – его появление привело к страху, страх призвал элиты действовать). Изоморфизм играет здесь роль адаптивной стратегии: создание схожих и знакомых социальных структур в новой модели дает индивиду ощущение комфорта и уверенности, еще одну эмоцию (Barbalet, 1998, р. 101). Уверенность является основой для будущей экспансии в новое, открытое представителями элиты, поле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерпретация рассмотренных выше кейсов позволяет сделать два основных вывода. Первый вывод – локальные элиты действуют в разных территориях по одному приблизительному сценарию: заняв устойчивую позицию в одном поле (допустим, экономическом) и обеспечив себя притоком капитала, они стремятся продвинуть свои интересы в другое поле – политическое или административное; заняв позицию в нем и начав извлекать там капитал, переходят в третье поле. Второй вывод – такие действия приводят к тому, что различные поля, на которые распространяют свою власть локальные элиты, получают потенциальную возможность функционировать схожим образом, что может гипотетически облегчить перенос, например, экономических практик в поле политики.

Проведенная здесь интерпретация эмпирических данных, полученных из материалов интервью, позволяет обозначить несколько перспективных направлений исследования. Прежде всего, это проверка применимости самой концепции «изоморфизма» к действиям элит. Полученных данных в результате исследования трех городов Пермского края явно недостаточно для того, чтобы проследить основные социальные механизмы, инициирующие отмеченный здесь «изоморфизм». Далее, необходимо проверить полученные теоретические выводы в других территориях и регионах и исследовать систему мотивов, которые приводят представителей локальных элит к «изоморфной» организации окружающего их социального пространства, а также установить факты «переноса» описанных практик из одного поля в другое, если такие явления наблюдались ранее.

Библиографический список

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 188 с.

Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // *Laboratorium*. 2012. № 2. С. 130–163.

Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетей, 2007. С. 220–254.

Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 54–52.

Витковская Т. Б. Локальная политическая элита в условиях общественных трансформаций // *Управленческое консультирование*. 2011. № 1 (42). С. 100–111.

Витковская Т. Б. Локальная политическая элита современной России: характерные особенности и трансформация // *Политическая наука*. 2008. № 3. С. 61–74.

Гусева А. Входя в красную зону: рождение рынка кредитных карт в пост-коммунистической России // Экономическая социология. 2011. Т. 12, № 5. С. 30–52.

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX в.) / пер. с нем. Л. А. Овчинцевой. М.: ВЛАДОС, 1997. 302 с.

Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН РАН, 2000. 200 с.

Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / пер. с англ. О. Ю. Артемовой. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Bauman Z. The individualized society. Oxford: Polity Press, 2001. 272 p.

Bauman Z. Pierre Bourdieu and the Dialectics of Vita Contemplativa and Vita Activa // Revue internationale de philosophie, 2002. Vol. 2. P. 179–193.

Barbalet J. M. Social emotions: Confidence, trust and loyalty // International Journal of Sociology and Social Policy. 1996. Vol. 16, № 9/10. P. 75–96. DOI: <https://doi.org/10.1108/eb013270>.

Barbalet J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 222 p.

Blackshaw T. Two Sociologists: Pierre Bourdieu and Zygmunt Bauman // Blackshaw T. Routledge Handbook of Leisure Studies. London and N. Y.: Routledge, 2013. P. 164–178.

Bourdieu P. Symbolic power and the political field // Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Oxford: Polity, 2012. P. 162–251.

Bourdieu P., Wacquant L. Symbolic capital and social classes // Journal of Classical Sociology, 2013. Vol. 13, № 2. P. 292–302.

Geertz C. Thick Description: Toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of cultures: Selected essays. N. Y.: Basic Books, 1973. P. 3–30.

Lee F. L. F., Lin A. M. Y. Newspaper editorial discourse and the politics of self-censorship in Hong Kong // Discourse & Society. 2006. Vol. 17, № 3. P. 331–358.

Radaelli C. M. Policy transfer in the European Union: Institutional isomorphism as a source of legitimacy // Governance. 2000. Vol. 13, № 1. P. 25–43.

Информация об авторе

Манокин Михаил Андреевич – канд. культурологии, старший преподаватель департамента менеджмента Пермского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38

ORCID: 0000-0002-3648-3185

ResearcherID: A-5361-2017

Электронный адрес: MAManokin@hse.ru

Статья получена 18 февраля 2017 года

UDC 316.35

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-237-252

“FIELD ISOMORPHISM” (THE CASE OF ACTION STRATEGIES OF LOCAL ELITES IN PERM KRAI)

Mikhail A. Manokin

National Research University the Higher School of Economics
in Perm, 38 Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia

ORCID: 0000-0002-3648-3185

ResearcherID: A-5361-2017

E-mail: MAManokin@hse.ru

For citation:

Manokin, M. A. (2017), “Field isomorphism” (the case of action strategies of local elites in Perm krai)”, *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 2, pp. 237–252, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-237-252.

Introduction. The paper studies the problem of social dynamics and reactions of the individuals, specifically in the case of local elites in the small towns of Perm Krai, Russia.

Aims. The aim of the paper is to interpret the practices of the local elites. The paper studies a social space with the constraints where these practices take place as well as the performed practices themselves.

Methods. The paper uses structural-functional analysis, and qualitative sociological methods, such as depth interview, case study.

Results. The study analyzes three cases of actions of local elites in Kungur, Chaikovski, Krasnokamsk. Given cases were interpreted through the theories of P. Bourdieu and Z. Bauman.

Conclusion. Social processes show the resemblance of institutional isomorphism, but it is applied to the fields of social space. Strong connection between local elites and social spaces of small towns is seen as a source of additional influence. Two hypothetical explanations are given to the revealed “isomorphism of fields”: 1) it may be the byproduct of creation of “significant places” in the new fields taken under control of the local elites; 2) it can be the result of influence of emotions.

Key words: social dynamics; local elite; institutional isomorphism; field of economics; field of politics; bureaucratic field

References

Bauman, Z. (2004), *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: The human consequences], translated by Korobochkin, M. L., Ves' Mir, Moscow, Russia.

Bauman, Z. (2008), *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity], translated by Asochakov, Yu. V., Piter, Saint-Petersburg, Russia.

Bikbov, A. (2012), "The Methodology of studying "spontaneous" street activism (Russian protests and street camps, December 2011–July 2012)", *Laboratorium*, no. 2, pp. 130–163.

Bourdieu, P. (2007), "Spirit of the state: Genesis and structure of the bureaucratic field", in Bourdieu, P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Social space and symbolic power], translated by Shmatko, N. A., Aleteiya, Saint-Petersburg, Russia, pp. 220–254.

Bourdieu, P. (1993), "The social space and genesis of groups", in Bourdieu, P., *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics], translated by Shmatko, N. A., Socio-Logos, Moscow, Russia, pp. 14–48.

Vitkovskaya, T. B. (2011), "Local political elite during social transformation", *Upravlencheskoye konsultirovaniye*, no. 1 (42), pp. 100–111.

Vitkovskaya, T. B. (2008), "Local political elite of the contemporary Russia: Specific characteristics and transformation", *Political Science*, no. 3, pp. 61–74.

Guseva, A. (2011), "Into the Red: The Birth of the Credit Card Market in Post-communist Russia", *Economic Sociology*, vol. 12, no. 5, pp. 30–52.

Sieder, R. (1997), *Sotsial'naya istoriya sem'i v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope (konets XVIII – XX v.)* [Sozialgeschichte der Familie], translated by Ovchintseva, L. A., VLADOS, Moscow, Russia.

Lapina, N. Yu. and Chirikova, A. E. (2000), *Strategii regional'nykh elit: ekonomika, modeli vlasti, politicheskii vybor* [Strategies of regional elites: economics, models of power, political choice], Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russia.

Radcliffe-Brown, A. R. (2001), *Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektsii* [Structure and function in primitive society, essays and addresses], translated by Artemova, O., Yu., Vostochnaya Literatura RAS, Moscow, Russia.

Urry, J. (2012), *Mobilnosti* [Mobilities], translated by Lazarev, A. V., Praksis, Moscow, Russia.

Bauman, Z. (2001), *The individualized society*, Polity Press, Oxford, UK.

Bauman, Z. (2002), "Pierre Bourdieu and the dialectics of *vita contemplativa* and *vita active*", *Revue internationale de philosophie*, vol. 2, pp. 179–193.

Barbalet, J. M. (1996), "Social emotions: Confidence, trust and loyalty", *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 16, no. 9/10, pp. 75–96, doi: <https://doi.org/10.1108/eb013270>.

Barbalet, J. M. (1998), *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macro-sociological Approach*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Blackshaw, T. (2013), "Two sociologists: Pierre Bourdieu and Zygmunt Bauman", in Blackshaw, T., *Routledge Handbook of Leisure Studies*, Routledge, N. Y., USA and London, UK, pp. 164–178.

Bourdieu, P. (2012), "Symbolic power and the political field", in Bourdieu, P., *Language and symbolic power*, Polity, Oxford, UK, pp. 162–251.

Bourdieu, P. and Wacquant, L. (2013), "Symbolic capital and social classes", *Journal of Classical Sociology*, vol. 13, no. 2, pp. 292–302.

Geertz, C. (1973), "Thick description: toward an interpretive theory of culture", in Geertz, C., *The interpretation of cultures: Selected essays*, Basic Books, N. Y., USA, pp. 3–30.

Lee, F. L. F. and Lin, A. M. Y. (2006), "Newspaper editorial discourse and the politics of self-censorship in Hong Kong", *Discourse & Society*, vol. 17, no. 3, pp. 331–358.

Radaelli, C. M. (2000), "Policy transfer in the European Union: Institutional isomorphism as a source of legitimacy", *Governance*, vol. 13, no. 1, pp. 25–43.

Received February 18, 2017